

ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ЕГИПТЕ

© 2020

В. В. Беляков*

Статья посвящена пребыванию Донского кадетского корпуса в Египте в 1920–1922 гг., когда его личный состав перевезли из Новороссийска в Александрию и сначала поместили в лагерь беженцев Телль эль-Кебир, а затем по настоянию директора корпуса перевели в окрестности Исмаилии. Там кадеты и провели больше двух лет, после чего их перевезли в Турцию и Болгарию. Автор уточняет обстоятельства жизни кадетов, которые жили в палатках, получали взрослое довольствие и английскую военную форму. На основании материалов архивов и свидетельств очевидцев автор прослеживает изменения в физической форме молодых людей, которые быстро окрепли в теплом климате и даже получили разрешение дважды в день купаться в Суэцком канале. По воскресеньям юноши переплывали на другой берег канала, где собирали гильзы и монеты, оставшиеся с Первой мировой войны. Источники подтверждают, что кадеты увлекались спортом, особенно футболом. В конце 1921 г. лучшие кадеты побывали в Каире, посмотрели пирамиды и Египетский музей, посетили оперный театр, а другая группа кадетов отправилась в Палестину, где выступала в церкви. У донских кадетов были свой оркестр, театр, выходил журнал. Проанализировав источники, автор пришел к выводу, что в большинстве своем кадеты остались весьма довольны пребыванием в Египте и с печалью восприняли необходимость расстаться с этой страной.

Ключевые слова: Донской кадетский корпус, Египет, кадеты, Каир, Палестина.

Для цитирования: Беляков В. В. Донской кадетский корпус в Египте. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 93–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-93-99

THE DON CADET CORPS IN EGYPT

Vladimir V. Belyakov

The article covers the stay of the Don Cadet Corps in Egypt in 1920–1922, when its personnel was transferred from Novorossiysk to Alexandria and first placed in the Tell el-Kebir refugee camp, and then, at the insistence of the corps director, the cadets were transferred to the vicinity of Ismailia. There the cadets spent more than two years, after which they were transported to Turkey and Bulgaria. The author clarifies the circumstances of the cadets' everyday life, showing on the basis of archival materials that they lived in tents, received adult allowance and wore the English military uniform. Based on archival materials and eyewitness accounts, the author traces changes in the physical form of young people who quickly gained strength in a warm climate and even received permission to swim in the Suez Canal twice a day. On Sundays, young men swam to the other side of the canal, where they collected cartridges and coins left from the First World War. Sources confirm that the cadets were fond of sports, especially football. At the end of 1921, the best cadets visited Cairo, looked at the pyramids,

* Владимир Владимирович БЕЛЯКОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; beliakov2007@yandex.ru

Vladimir V. BELYAKOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; beliakov2007@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8121-4040

visited the Egyptian Museum, the opera house, and another group of cadets went to Palestine, where their choir performed in the local church. Don Cadets had their own orchestra, theater troupe, published a magazine. Upon analyzing the sources, the author came to the conclusion that for the most part the cadets were very much satisfied with their stay in Egypt and perceived the need to leave this country with sincere sadness.

Keywords: Don Cadet Corps, Egypt, Cadets, Cairo, Palestine.

For citation: Belyakov V. V. The Don Cadet Corps in Egypt. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 93–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-93-99

С марта 1920 по июнь 1922 гг. Донской кадетский корпус находился в Египте. Более чем двухлетнее пребывание корпуса на египетской земле заслуживает внимания само по себе, но интересно оно еще и тем, что подростки воспринимали свое изгнание совершенно иначе, чем взрослые беженцы. Для них, особенно для младших, оно казалось скорее увлекательным приключением, чем трагедией. «Хорошо прожили там три года, купались в Суэцком канале, кушали финики, один из кадет застрелился, и еще два ученика и офицер умерли, случилось несколько пожаров, но в общем провели эти три года очень хорошо, — вспоминал в 1923 г. кадет А. Балашов. — Как не хотелось, но все ж таки пришлось уезжать из Египта» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 206]. Вот вам пример детского восприятия эмиграции.

Кадетов доставили из Новороссийска в Александрию на пароходе «Саратов». «Кадеты и беженцы-старички, женщины, дети, раненые и больные, заполнили все уголки, — вспоминал впоследствии плавание Н. Воробьев, которому в ту пору было 12 лет. — Кормят коряво. Галеты червивые. Малыши с завистью поглядывают на “богачей”, у которых какими-то судьбами завелись вдруг большие банки австралийских консервов с зайчатинной: хочется есть. ...Новые впечатления, море, многими дотоле невиданное, общее состояние возбужденности и слухи, слухи, слухи... И вши, вши, вши...» [Воспоминания кадет Донского корпуса, 1974, с. 188].

После прохождения двухнедельного карантина в Александрии кадетов поселили в «русском лагере» в Тель эль-Кебуре, «где была почти райская жизнь, — вспоминал в 1923 г. 17-летний бывший кадет. — Еды было вдоволь, сколько хочешь, столько и ешь, жили в палатках и вообще проводили дни очень хорошо» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 339].

Однако эта «почти райская жизнь» продолжалась всего месяц. По инициативе директора корпуса генерал-лейтенанта А. В. Черячукина англичане, принимавшие русских беженцев, перевели кадетов в особый лагерь. По мнению Черячукина, соседство кадетов со взрослыми беженцами в Тель эль-Кебуре «стало неисчерпаемые источники соблазнов и разлагающе влияло на молодежь» [Гончаров, 2002, с. 19].

Новое место пребывания Донского кадетского корпуса находилось на берегу озера Тимсах, недалеко от Исмаилии. «Лагерь стоял в красивом месте за городом, — вспоминал один из кадетов, А. Плешаков. — Впереди него была аллея, шириною в пять или шесть сажен, за аллеей сейчас же начиналось озеро, которое отходило от Суэцкого канала, оно называлось Крокодиле (по-арабски — Тимсах. — В. Б.). Суэцкий канал был от нас всего в полумиле, сзади была пустыня, по которой тянулась железная дорога, а за

железной дорогой шла опять бесконечная Ливийская пустыня¹, направо виделся город, а за городом — большой роскошный пальмовый парк... За ним находился изгиб Суэцкого канала, в общем, нас поместили в очень красивой местности» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 194].

Генерал А. В. Черячукин написал о расположении лагеря короче: «Лагерь находится в трех километрах от хорошенького, тихого и чистого городка — Исмаилин и совершенно изолирован от посторонних. Сюда и перешел корпус» [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 22. Л. 8, 8а].

Лагерь состоял из конусовидных палаток, в которых поначалу кадетов разместили по семь человек. Даже младшим было тесно, поэтому англичанам пришлось разбить еще палатки, так что в каждой жили по четыре человека [Дети русской эмиграции, 1997, с. 93]. В лагере разместились 286 кадетов разного возраста, 28 сотрудников и 12 членов их семей — всего 326 человек. Условия жизни были спартанскими. В палатках не было ни кроватей, ни даже матрацев. Кадеты спали на одном одеяле, укрывшись другим [АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 194. Л. 6–8 с об.].

Впрочем, кровати вскоре появились, чему предшествовала любопытная история. Приведем ее со слов одного из обитателей лагеря. «Малыши-кадеты по прибытии в лагерь успели все обшарить кругом и нашли в пустыне, километрах в двух, странное сооружение — какие-то мешки с песком и металлические листы, а рядом еще куча пустых банок, из-под бензина, кажется. Мы ни на каком стрельбище в своей жизни не были, а потому сочли сооружение никчемным... В каких-нибудь два часа от стрельбища остался лишь курган: все мы притащили к себе в лагерь и... соорудили себе кровати. Теперь уже бояться скорпионов и прочей нечисти не придется. Но наша радость была кратковременной. На следующее утро английская рота пришла на стрельбище... а потом по следам, ведущим в лагерь, пришла и к нам... Нам пришлось “волокти” тяжелые листы обратно на стрельбище... Но нет худа без добра — вскоре были привезены всем кровати» [Воспоминания кадет, 1974, с. 192].

Генерал Черячукин составил памятку кадету:

1. Веруй в Бога и молись Ему, чтобы Он сохранил тебя на пользу твоей Родины.
2. Не забывай свою Родину, наш Тихий Дон и своих родных.
3. Будь всегда честен и говори правду.
4. Старайся помочь своему товарищу, тогда и товарищ всегда тебя поддержит.
5. Не обижай более слабого и новичка, тогда и более сильный тебя не обидит. Если не хочешь себе никакого зла, то не делай его никому.
6. Никогда не ленись. Будь готов делать всякую работу, а не быть белоручкой.
7. Уважай добрые желания других, тогда и твои желания будут уважены.
8. Не соглашайся исполнять что-либо вредное для себя и товарищей.
9. Твоя родина, Дон, понесла большие испытания и своей честной работой ты можешь помочь забыть их» [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 44. Л. 49].

Не все, конечно, строго соблюдали эту памятку. В архивных документах встречаются рапорты с объяснением нарушений со стороны кадет.

Чтобы побудить кадетов к образцовому содержанию палаток, генерал Черячукин учредил переходящий приз — русский флаг. Его получала самая чистая и аккуратная

¹ Неточность: Ливийской называется пустыня, расположенная к западу от долины Нила. К востоку от Нила, где находился лагерь Донского кадетского корпуса, простирается Аравийская пустыня.

палатка. Для кадетов украсить свое жилье столь символическим образом было большой честью, и вскоре в лагере воцарился порядок [Воспоминания кадет, 1974, с. 192].

Кормили в лагере хорошо. Бывший кадет Юрий Гончаров отмечал, что пища была обильная — «кофе, какао, сыр, варенье, сытные до невозможности обеды и ужины» [Гончаров, 2002, с. 20]. Кадеты, вне зависимости от возраста, получали полное довольствие английского солдата [Воспоминания кадет, 1974, с. 191]. Подростки быстро окрепли.

Кадеты получили английское обмундирование песочного цвета — тропический шлем с красным шарфом, фуражку с дырочками по бокам, рубашку с галстуком, френч, белье, брюки и трусики. Обувь — ботинки с обмотками. И еще — специальный прибор для надраивания медных пуговиц [Воспоминания кадет, 1974, с. 192].

Расписание дня выглядело следующим образом. В 5.30 — подъем. С 6 до 7 — купание в озере. Затем молитва, утренний осмотр и переключка. С 7.20 — чай. С 8.00 начинались занятия, четыре урока по 45 минут. После этого купание в море, обед и отдых. В 16.00 и 17.00 — еще два урока. В половине седьмого — ужин, затем вечерняя молитва. Потом приготовление уроков, игры, отдых. В 21.00 — отбой [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 44. Л. 220].

Занятия проходили в камышовых бараках и постепенно вошли в систему, хотя из-за недостатка учебников и особенно преподавателей и не столь стройную, как в родном Новочеркаске. Четкой организации занятий мешала проблема, о которой упоминал генерал Черячукин: «Жалованья никто никому не выплачивает, а при таком положении трудно требовать напряжения всех педагогических и воспитательных сил» [АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 194. Л. 4об.].

Но дело было не только в жалованье. Сама походная обстановка и особенно жаркий климат не располагали к серьезным занятиям. «Я занимался незavidно, — вспоминал бывший кадет Сеченков, — и так же и другие, потому что была жара невыносимая, и лень было заниматься, так же и преподавателям» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 93].

Были среди кадетов, конечно, и свои отличники. Под новый, 1922-й, год сорок из них — по пять от каждого класса — получили удивительную возможность провести неделю в Каире. Приглашение прислал командир английского полка, переведенного незадолго до этого из Исмаилии в Каир. Бывшие соседи предоставили кадетам ночлег и питание в казарме полка. Счастливчики побывали в Цитадели, на пирамидах, в Египетском музее и даже в театре на опере «Евгений Онегин», исполнявшейся гастролировавшей в Египте киевской оперной труппой [Воспоминания кадет, 1974, с. 172–173]. Пирамиды и музей оставили неизгладимое впечатление.

Многие кадеты увлекались спортом. Преимущество отдавали легкой атлетике, а также волейболу и футболу. Футбольные команды были в каждом классе, а сборная лагеря считалась одной из лучших в Исмаилии. Она часто проводила товарищеские матчи с египтянами, англичанами, французами, индусами и малайцами и, как вспоминал один из кадетов, Павел Штейн, «всегда набивала англичанам, малайцам. Но первая арабская исмаилийская команда забила нашей первой футбольной команде 3 гола» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 76].

Не забывали преподаватели и о духовном воспитании своих питомцев. В одном из шести барakov, предназначенных для общественных нужд, была оборудована

церковь, причем все ее внутреннее устройство и украшение было сделано самими кадетами [Воспоминания кадет, 1974, с. 168]. Служил в церкви священник отец Димитрий Троицкий. Регент Н. М. Верушкин, уральский казак, организовал великолепный хор. Он даже гастролировал в Палестине.

Хору кадетов выпала редкая честь — петь литургию в храме Гроба Господня. Служил сам патриарх Иерусалимский. «После службы патриарх отколол от Гроба Господня кусочек, специальным золотым молоточком, и преподнес его представителю нашего корпуса с тем, чтобы он был вложен в основание иконы», — вспоминал бывший кадет Н. Воробьев [Воспоминания кадет, 1974, с. 197].

В Иерусалиме младшие кадеты жили в русском женском монастыре на Елеонской горе. Перед отъездом почти каждый из них получил от русских монашек по подарку, главным образом вышитые гладью ими самими думки. «Для монашек приезд кадет был большим событием, — вспоминал тот же Н. Воробьев, — они снова слышали русскую речь» [Воспоминания кадет, 1974, с. 196].

В 1921 г. у кадет появился собственный духовой оркестр. Направлявшийся с Дальнего Востока в Бизерту, где нашла приют не сдавшаяся Красной Армии Черноморская военная эскадра, крейсер «Орел» бросил якорь в озере Тимсах. Капитан пригласил генерала Черячукина на борт. Узнав, что у кадетов нет оркестра, он подарил им излишки собственного. Многие инструменты были в плачевном состоянии, но их быстро починили в Исмаилии. Не достававшие флейты и кларнеты докупили в Порт-Саиде на дар кого-то из состоятельных исмаилийцев [Воспоминания кадет, 1974, с. 171].

Впрочем, случай с оркестром произошел уже осенью. А в марте, когда «Орел» только вошел в Тимсах, генерал Черячукин получил из Бизерты письмо с просьбой отправить туда все инструменты, переданные кадетам. Пришлось писать коллегам ответ: «Не собираясь нисколько удерживать у себя инструменты, данные мне, — писал Черячукин, — я все-таки по совести должен сообщить, что составить из них оркестр совершенно немыслимо, и я, если бы не получил от Вас письма, предполагал многие из них продать прямо в лом» [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 43. Л. 183, 189].

Был у кадетов и свой театр. Первой его постановкой стала пьеса Э. Ростана «Романтики» [Гончаров, 2002, с. 21].

Кадеты жили в лагере обособленно и с египтянами практически не общались. «С арабским населением у нас контакта не было, кроме одного араба-христианина Айята, лет 16, — вспоминал Н. Воробьев. — Он доверчиво тянулся к нам, кадетам... немного говорил по-английски, и как ни странно, мы понимали друг друга» [Воспоминания кадет, 1974, с. 198].

В лагере издавался свой ежемесячный рукописный журнал — «Донец на чужбине», форматом А4 и объемом 18–24 страницы. Редактировали его кадеты-старшеклассники — сначала В. Алимов, а затем И. Егоров. Хроники жизни лагеря там не было — только литературное творчество воспитанников Кадетского корпуса. Рассказы и стихи сопровождались рисунками — и воспоминаниями о России, и изображениями окрестностей лагеря. «Вторая половина журнала не заполнена рисунками ввиду того, что не хватило литографских чернил», — объяснял редактор на последней странице № 7 журнала. А на том же месте в № 3 содержится такое

примечание: «Г.г. читающих наш журнал просим с ним обращаться аккуратнее и по прочтении в палатках у себя не задерживать, а передавать дальше»².

О настроениях кадетов можно судить по отрывку из стихотворения «На чужбине».

Дух русский царит среди нас неизменно,
И вечером часто в безмолвной тиши
Хор громкий, раздольный в созвучии смелом
Звучит отголоском казачьей души...
Но тихо все в лагере в пору ночную,
Заботы дневные забыты во сне,
И снятся нам сны про Россию родную,
Про степи, станицы в родимой земле [Донец на чужбине, 1921, с. 5].

Впрочем, когда читаешь довольно многочисленные воспоминания кадетов о пребывании в Египте (почти все они написаны по горячим следам, через год–два после отъезда в Европу), особой ностальгии по России не заметно. Общий мотив один и тот же: каждый день купались в Суэцком канале, играли в футбол, лазили в местные сады за финиками и вообще жили очень хорошо. Приведем несколько примеров наиболее ярких эпизодов пребывания в Египте, оставшихся в памяти кадетов.

Павел Штейн: «Там (в Египте. — В. Б.) нам было хорошо очень, но жара была невыносимая, и мы купались в Суэцком канале. Помню, вылезем на берег, запачкаемся в песке, после идешь в море (в Суэцком канале морская вода. — В. Б.) опять купаться, после идешь одеваться и идешь обедать, после пойдешь под душ, потому что весь в соли. Потом, когда приходит пароход, тогда все плывут к нему, и оттуда кидают деньги, апельсины, булки. Я раз подплыл, и мне один из мужчин кинул булку, я ее поймал, и она не упала в воду. Потом мы переплывали на другой берег Суэцкого канала, и там мы находили деньги очень старинные; я очень любил там ловить рыбу» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 76].

Сеченков (имя не указано): «Каждый день ходили купаться на Суэцкий канал, переплывали на азиатскую сторону, ходили там, собирали патроны³ и иногда деньги находили. Каждое воскресенье ходили рыбу ловить, жарили сами в пустыне, но если поймают, то худо приходилось, потому что не разрешали. Ходили рвать финики в парк, боялись, что если поймают, то пропадай, тебя так избыют, что сесть и лечь нельзя. Однажды пошел один воспитанник нашего класса за финиками в парк, его поймали, разрезали руку его же ножом и избili до того, что еле дошел до лагеря. Это воспитатели узнали, но не наказали, потому что он уже был наказан; все-таки продолжали ходить...» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 93].

Королев И. Т.: «На один французский праздник⁴ были устроены состязания, куда и я записался, то есть нырять, так как уже довольно далеко нырял. Когда мы вошли в один дом, нам дали короткие купальные трусики, так как было очень много

² №№ 3, 4, 6 и 7 журнала «Донец на чужбине» хранятся в библиотеке Государственного архива Российской Федерации.

³ В годы Первой мировой войны на Синайском полуострове шли бои между британскими и турецкими войсками.

⁴ В Исмаилии располагалась администрация компании Суэцкого канала, большинство служащих которой составляли французы.

присутствующих. Когда наша очередь дошла нырять, мы вышли на пристань и нырнули. Так как там была почему-то вода мутная, я нырнул с закрытыми глазами и наткнулся поэтому на один камень, а потому, что там было мелко, то от толчка мои ноги показались из воды. Это было еще недалеко от берега, и все присутствующие засмеялись, как я потом узнал. Но я продолжал нырять и вынырнул второй, и поэтому я взял приз, то есть 50 пиастров (1/2 фунта английс[кого]). Нас еще водили на другую сторону города на аэродром, где наши катались на аэропланах» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 97].

Пожалуй, тоска по родине отчетливо звучит в воспоминаниях лишь одного кадета, причем 18-летнего. «Заветная мечта моя попасть в Африку сбылась, — писал он, — но что доволен был этим или нет, вы увидите. <...> Мы, люди, жившие в умеренном поясе и попавшие в тропический пояс, сперва были довольны теплотой, которая достигала до 40 градусов, и тропической зеленью. Но однообразная жизнь и та жара, и песчаная пустыня опротивели и заставили искренне вспомнить свою Родину с ее обширными полями, степями и лугами, с ее богатством и предприимчивым населением, что здесь совершенно отсутствовало. Болея душой, я на каждом шагу представлял себе пение птичек в нашем саду... Человек, живший на свободе и среди степей и полей и попавший в пустыню, конечно, скучал, страдал и вспоминал свое прошлое» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 378].

Когда кадетам объявили, что скоро они покинут Египет, «это произвело ошеломляющее впечатление, — вспоминал Юрий Гончаров. — Для кадет Египет стал уже родным» [Гончаров, 2002, с. 22]. Младших кадетов отправили в «русскую школу», созданную англичанами в Буюк-Дере, недалеко от Стамбула, в бывшей загородной резиденции российского посольства, остальных привезли в Варну. Там Донской кадетский корпус, по свидетельству его воспитанников, по существу развалился. Часть кадетов так и осталась в Болгарии, а другую часть отправили в Чехию, в Шуменскую русскую гимназию [Дети русской эмиграции, 1997, с. 382]. В этой гимназии в 1923–1924 гг. бывшие кадеты и написали воспоминания о Египте, вошедшие впоследствии в сборник «Дети русской эмиграции».

Литература / References

- Воспоминания кадет Донского корпуса*. Мадрид, 1974 [*Memories of Don's Corpus Cadets*. Madrid, 1974 (in Russian)].
- Гончаров Ю. Донской кадетский корпус в Египте. *Африка глазами эмигрантов*. М., 2002 [Goncharov Yu. Don's Cadet Corpus in Egypt. *Africa through the Eyes of Emigrants*. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Дети русской эмиграции*. М., 1997 [*Children of Russian Emigration*. Moscow, 1997 (in Russian)].
- Донец на чужбине*. № 4. 1921 [*Donets na chuzhbine (Donets in a Foreign Land)*. 4. 1921 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) [Archive of the Russian Empire's Foreign Policy]. Фонд 319. Опись 820/3. Дело 194.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) [State Archive of Russian Federation]. Фонд р7065. Опись 1. Дело 22, 43, 44.